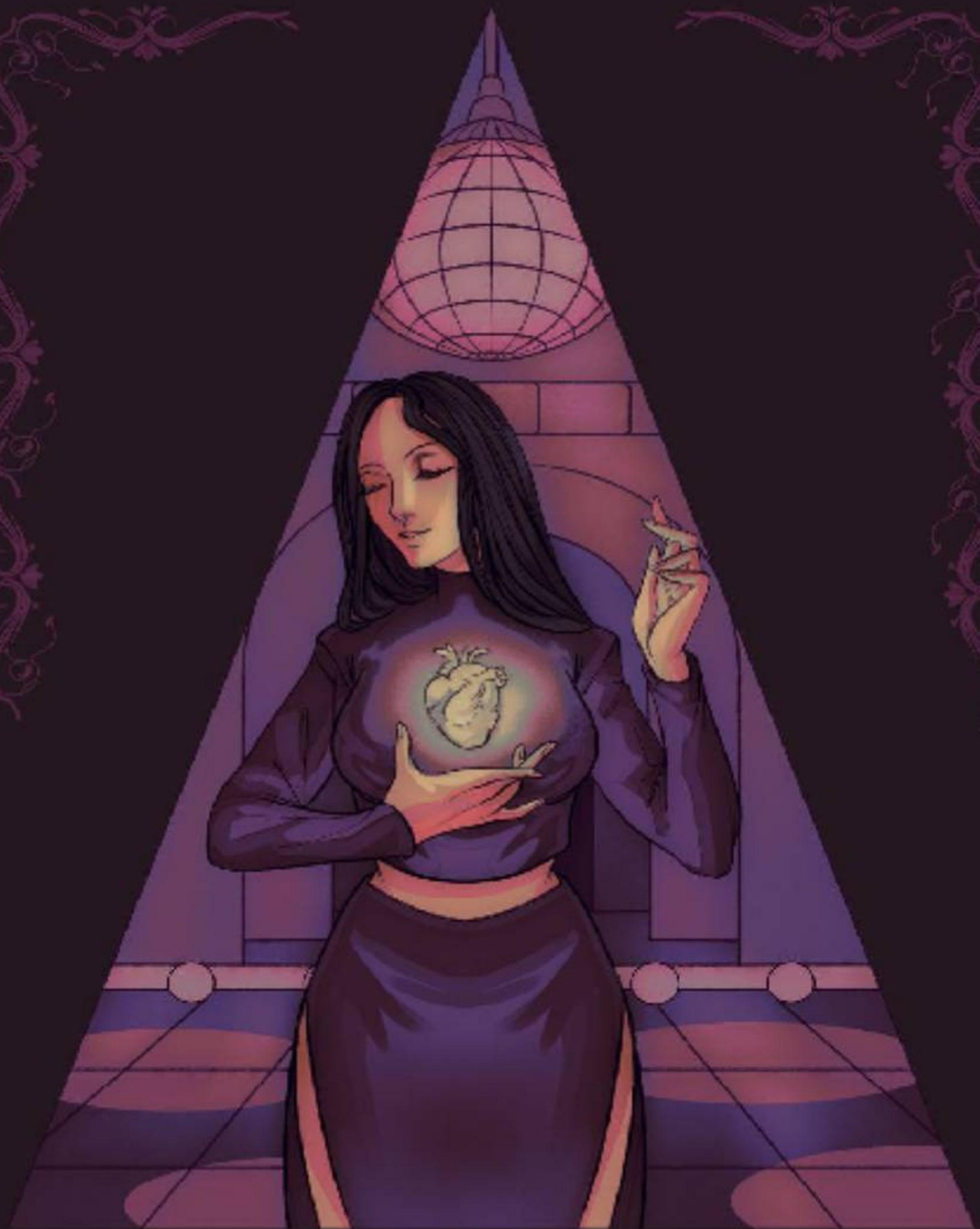


АРТЕМ ГИРОВ



КОРОЛЕВА ТАНЦЮЛА

Артём Гиров

Королева танцпола

«Автор»

2026

Гиров А.

Королева танцпола / А. Гиров — «Автор», 2026

Пока королева танцпола рядом, пока на сцене поют Марвин Гэй и Тэмми Таррелл, сменяемые Four Tops, лицо невысокого темноволосого парня будут освещать сотни софитов, чтоб каждый житель Кассиопеи, или Цефея, или Аида, или, в конце концов, Земли увидел самое расколбасное диско во всей вселенной. «Королева танцпола» — это сборник рассказов, состоящий из двенадцати историй, что заключают в себе главный манифест Артёма Гирова к читателю: чтобы жить, мы должны любить, — и сами быть любимы. И ради сохранения этой любви только смелый человек сможет преодолеть свой страх, дабы противостоять смерти, ведь герои не умирают.

© Гиров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВЕСНА	6
ТАНЕЦ МЕЧТЫ	8
ТЫ — ЭТО СОЛНЦЕ	11
ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, ГДЕ ЗДЕСЬ МОЖНО НАЙТИ КИТОВ?	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Артём Гиров

Королева танцпола

КОРОЛЕВА ТАНЦПОЛА

АРТЁМ ГИРОВ

Иллюстрация на обложке – Шурик (@shurik_o_shurik)

© Гиров А., текст, 2024

© Оформление. Издательство «Чёрный пёс», 2025

Пока королева танцпола рядом, пока на сцене поют Марвин Гэй и Тэмми Таррелл, сменяемые Four Tops, лицо невысокого темноволосого парня будут освещать сотни софитов, чтоб каждый житель Кассиопеи, или Цефея, или Аида, или, в конце концов, Земли увидел самое расколбасное диско во всей вселенной.

«Королева танцпола» — это сборник рассказов, состоящий из двенадцати историй, что заключают в себе главный манифест Артёма Гирова к читателю: чтобы жить, мы должны любить, — и сами быть любимы. И ради сохранения этой любви только смелый человек сможет преодолеть свой страх, дабы противостоять смерти,

ведь герои не умирают.

Однажды, познакомившись с одним писателем, я влюбилась в его мир диско раз и навсегда, не смев более отпустить протянутую мне рукопись. Теперь она лежит перед вами, собранная, идеальная и доработанная. Она ждёт, нервно дёргая своим корешком, когда вы наконец откроете её и прочтёте, дабы окунуться в мир рок-н-ролла, китов и любви. Только помните, что обратно вам уже не вернуться — «you can never come back»¹.

Редактор Аляска Худякова

¹ Отсылка на мультфильм «All Dogs Go to Heaven».

ВЕСНА

*Ты чувствуешь что-то в воздухе, когда стоишь и машешь в ответ её фигурке, которая становится всё меньше и меньше. Что-то, что *всегда* было здесь. Огромный прозрачный мир. Нежность, которую ты испытываешь. Призрак Ревашоля между вами, передающий ваши сигналы. Священный посланник.*

Disco Elysium — «Токоприёмник»

Он одёргивал себя каждый раз, как придавал стихийному явлению свойство живого. Нет, природа не зла на человека. Нет, зима не ставит себе цель заморозить всё живое. Нет, за развитием видов не стоит разумный замысел. Провидение, Вселенная, в конце концов, Бог — это всё не более чем набор случайностей, которые сплелись особенно витиеватым образом на нашем зелёно-голубом шарике.

Но случилось так, что он увидел её, — и хрупкий каркас рационального мышления зашатался. Магическая реальность плющом обвила бетонные стены здравомыслия, которые на поверку оказались не твёрже хрусталя — так легко и непринуждённо их сокрушила красота одной женщины. Он мог лишь беспомощно смотреть на то, как её взгляд, её локоны, её белоснежная кожа, наконец, не оставляют камня на камне от здания его ценностей. Обломки рации падали в высокую траву и мгновенно смешивались с землёй, грязью, гумусом; казалось, что на месте некогда твёрдого и незыблемого сооружения никогда ничего и не было, кроме природной первозданности и нежной, обволакивающей всё тишины.

«Нет, она не может быть человеком, — думал он про себя. — Она олицетворение природы. Весна, воплощённая в смертном теле».

Он с запозданием понял, что совершил в отношении научно-атеистических взглядов ту самую хулу, которую избегал все н-дцать лет своей жизни, — придал стихийному явлению свойство живого. И тем не менее — даже не подумал одёрнуть себя. Природа не зла на человека. Зима не ставит цель заморозить всё живое. Но весна... Весна — другое дело. Весна жива. Весна любит тебя и хочет согреть твою бледную кожу, истосковавшуюся по теплу за долгие зимние месяцы. Весна желает разбудить тебя. Не так, как будильник — грубо и бесцеремонно. А так, как мать будит своё чадо субботним утром.

Весна смотрела на него и улыбалась. Улыбка Весны наполняла жизнью первоцветы, прораставшие из земли прямо под её босыми ногами. Один из подснежников рос между её большим и вторым пальцем. Она нагнулась, сорвала его и вплела в свои золотисто-каштановые кудри. Лёгкий ветерок трепал непослушные пряди, которые то и дело норовили скрыть от его взгляда чрезвычайной красоты ореховые глаза. Если глаза — это зеркало души, то её душа была душой леса. Она была творением природы в той же мере, в какой природа — её творением. Её дыханием шелестел ветер в ветвях, её голосом щебетали птицы, её кровью и внутренним теплом питались корни растений и цветов. Но во главе всего стояла её воля. Лес жил и благоухал внутри неё только потому, что она сама этого хотела.

Он даже не заметил, как приблизился к ней на расстоянии вытянутой руки. Она по-прежнему улыбалась. Он верил, что ничто не способно омрачить эту улыбку, поскольку в противном случае умрёт само солнце и весь мир погрузится в бесконечную зиму. Пока Весна улыбается, жизнь идёт своим чередом; её улыбка — единственная гарантия того, что цикл рождений и смертей не замкнётся на вечном ничто.

— Ты и правда Весна? — спросил он у Весны.

Весна засмеялась:

— Что-что? Да нет, меня Светой зовут...

«Какая же Весна признается, что она Весна», — подумал он.

— Нет, я уверен, что ты Весна.

— Ну, Весна так Весна. — Она пожала плечами. — А тебя как зовут?

— Меня зовут... В общем-то, неважно, как меня зовут.

Весна вновь засмеялась:

— Приятно познакомиться, неважно-как-меня-зовут.

— Весна... Света... хочу сказать, что ты очень красивая.

— Спасибо. А почему я красивая?

— Ну, у меня есть одно предположение... — Он остановился. Задумался. Почесал затылок. Затем продолжил: — Дарвин когда-то написал: «Из борьбы в природе, из голода и смерти непосредственно вытекает самый высокий результат, какой ум в состоянии себе представить, — образование высших животных. Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь с её различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм». Я думаю, что если все эти миллионы лет борьбы привели к тому, что на свет произошло столь чудесное — нет, *божественное*, — создание, как ты, то оно стоило того. В правильных чертах твоего лица и точеной фигуре я вижу борьбу за жизнь миллиардов существ, когда-либо ступавших по обетованной земле. Их жизни были лишь прелюдией к кульминации, которой являешься ты. Ты — та цель, которую преследовали живые организмы, выбираясь из воды на сушу. Из их борьбы, из их крови и смерти родилось настоящее чудо. Ты — произведение... нет, не искусства. Ты произведение естественного отбора. Я готов вечно смотреть на тебя.

Румянец на щеках выдавал смущение девушки, но она всеми силами стремилась этого не показывать:

— Как ты всё научно, по-умному объяснил... А ведь секунду назад уверял, что я являюсь воплощением Весны!

— В эту самую секунду я и понял, что ничего не мешает тебе быть и Весной, и Светой одновременно. И научный взгляд на вещи не мешает верить в чудеса. Наука лишь открывает сущность чуда, но ничуть не преуменьшает его красоту. Разве стала ты менее прекрасной после того, что я рассказал?

Света (или Весна — кому как угодно) ничего не ответила. Вместо этого она вытащила подснежник из своих волос и вплела в его густую чёрную гриву.

— А цветочки — они тоже венец эволюции?

Он засмеялся:

— Да, только они не борются за место под солнцем.

— Тогда давай и мы не будем.

— Давай.

— Чем вместо этого займёмся?

— В общем-то, у меня есть идея... Давай соберём все первоцветы, какие сможем, засушим их и сложим в коробочку. Когда придёт зима, мы достанем их оттуда, устелем ими пол и будем вплетать друг другу в волосы. Таким образом Весна всегда будет с нами. В самые мрачные и холодные зимние будни кусочек весны проникнет к нам в дом и согреет лучами майского солнца. Это тепло даст нам надежду, что мы доживём до очередной Масленицы, до очередной Пасхи, до очередного мая. Что бы ни произошло, настанет день — и мы всё преодолеем.

— Отличная идея, дружище! Тогда приступим прямо сейчас?

— Сейчас.

Они побежали навстречу майскому солнцу, и море первоцветов расступалось перед ними, словно воды Красного Моря перед ветхозаветным пророком.

ТАНЕЦ МЕЧТЫ

На самом дне это — танец мечты.

Стивен Кинг

Она берет меня за руку, говорит: «Это наш счастливый билет». «Куда», — спрашиваю я? Она не отвечает, прикладывает к моим губам палец и зовёт танцевать. «Куда? — продолжаю вопрошать я. — Куда?» Но слишком поздно: танцпол уже обтекает нас со всех сторон, вдыхая в себя дробный стук наших каблучков и выдыхая вертящееся эхо какой-то немислимой тональности. Я чувствую, что из уха на лоб взбираются кровавые дорожки. «Как кровь может течь снизу вверх?» — думаю я. Она берёт меня за руку, тепло её ладоней волнами проникает мне в мозг, смывая всякие мысли со скалистого берега извилин. Вспоминаю все лекции по анатомии мозга — и сразу же забываю, потому что её рука продолжает бить меня тёплым, мягким, ласковым током, принося блаженное забытие. «Куда?» — всё ещё спрашиваю я, уже не понимая, что это значит.

Она молчит. Смотрит на меня. Говорит: «Не думай, просто танцуй». Я оглядываюсь вокруг. Танцующие люди слиплись в дрыгающегося осьминога со сморщенными тентаклями. Я думаю, что это очень сильная метафора. В следующее мгновение я уже не могу вспомнить, что значит «метафора». Мысль за доли секунды проходит все стадии жизни от молекулярного сгустка до белого карлика. Я не мыслю, но я существую. Я существую в лоне её слегка шершавых одутловатых ладоней, прикосновение которых способно уничтожить декартовскую аксиому². Их тепло управляет мной. Оно выметает из моего разума все мысли, кроме одной: «Танцуй». Жар её сердца двигается вместе с током крови вниз по телу, кружа в вихре вальса с эритроцитами и лейкоцитами, а мой разум застывает в неопределённой точке между началом и концом, где соединились наши руки. Ушное кровотоечение заливают лоб, но у меня больше не вызывает удивления то, что это противоречит законам физики. Я чувствую, как её внутреннее тепло втекает в мой разум через точку соединения наших космосов, преобразуясь в мысль, которой невозможно сопротивляться: «Танцуй».

И мы начинаем танцевать. Вновь оглядываюсь по сторонам, чтобы понять, под какую музыку дрыгает конечностями этот гибнущий осьминог, но ничего не слышу. Эхо кружащих по танцполу звуков — вот и вся его музыка. Стук каблучков по паркету — это чопорные бурчания барабана Джона Бонэма. Крики обезумевших людей этажом ниже — лязг бас-гитары Сида Вишеса. Зашедшаяся в лихорадочном кашле тентакля больного осьминога — зычный бас Элвиса Пресли, который вопит сквозь эпоху в кровотокающее ухо цивилизации: «О-о-о, моя любимая, моя дорогая, я люблю тебя...» Я снова думаю, что это крайне неплохая метафора — и тут же забываю, что такое «метафора». Я спрашиваю: «Куда?» — но она не отвечает мне. Грубоватым и неловким па она выманивает меня на центр танцпола. Куда ни направлю свой взгляд — везде вижу осьминога, растёкшегося аморфной массой по залу. От него отрывается кусок за куском, но львиная доля этой твари продолжает вычурно выбрасывать коленца в такт мелодии смерти. Шлепки падающих тел тут же вплетаются в музыкальную гамму танцпола. Вновь и вновь я спрашиваю: «Куда?» — и получаю в ответ лишь тепло её руки и одну единственную мысль, которая царит над всем, как мой личный Бог: «Танцуй».

Мы продолжаем танцевать, пока люди вокруг нас умирают от лихорадки. Они становятся людьми в момент смерти; до того момента они представляют собой лишь часть неразумного барахтающегося осьминога общества. Проблеск индивидуальности за секунду до падения в

² Cogito ergo sum — «Я мыслю — следовательно, я существую».

вечные объятья смерти. Ещё одна мощная метафора, на которую всем плевать. Её па становятся более изящными, а я даже не уверен в том, что делаю — просто дрыгаю членами, как эпилептик во время припадка. Я талдычу: «Куда?» — а она улыбается мне улыбкой, которую хочется содрать с её лица, измельчить и свернуть в самокрутку. Все мои волосы в крови, словно мне на голову вылили ведро свиной крови, как тому парню в «Кэрри». Я провожу по ним пятёрней, но она просит меня не отвлекаться. Я говорю ей, что мне просто интересно знать, куда мы взяли билеты — ну, там, в кино, или в цирк, или в парк аттракционов, или в крайнем случае на поезд, но она лишь отвечает мне своей *странной* улыбкой.

Я верчу неестественно большими глазными яблоками вдоль орбит, но уже никого не вижу. Мы танцуем в пустом зале бок о бок с Костлявой. Танцпол разрисовал матрицу нашего разума своей музыкой, поэтому нам больше не нужно её материальное воплощение, чтобы проделывать самые виртуозные па и пируэты. Я весь в крови и не вижу больше метафор в каждой детали антуража. Живот пульсирует теплом, втекающим в меня через её зияющие чакры. Я чувствую, что наконец-таки поймал ритм: мы движемся, кружимся, вращаемся вокруг часовой стрелки, отмеряющей время до конца света. Нас улаживает мысль, что последнее воспоминание мира о человечестве будет запечатлено в танце двух сумасшедших. «Куда?» — всё спрашиваю и спрашиваю я. В кино, цирк, парк аттракционов...

На худой конец — в поезд.

На заднем фоне начинают плавиться стены, растекаясь лужицами под трупами, словно мягкая простыня. Потолок стекает нам на голову вязкой коричневой слюной. Неприятно, но в жизни бывали ситуации и похуже. С этой минуты реальность предстаёт перед нами без всяких рамок — целый мир, агонизирующий на фоне бездонной сверкающей синевы. Его шум вступает в резонанс с мелодией в наших умах, а холод — с соединяющим наши тела теплом. Два вакуума бьются друг об друга, рассыпая вокруг сонм звуков, красок, пространственно-временных сосудов и тёмных гало. А мы всё так же танцуем, а я по-прежнему спрашиваю: «Куда? Куда?» — а она улыбается мне улыбкой, от которой *шарики за ролики заезжают*. Па за па, мы кружимся в унисон с задыхающейся в боли планетой.

Мы танцуем, а за нами падают самолёты, сталкиваются поезда, рушатся здания. Мы танцуем, а целые селения умирают от чумы. Мы танцуем, а безумцы на руинах цивилизации едят собственных детей. Мы танцуем, а последние очаги осмысленности тонут в пожаре победившего хаоса. Мы танцуем, а поверхность танцпола покрывается сеточкой трещин в углу, угрожающе пыхтя слоями бетона. Мы танцуем, а здание кренится набок, будто танцует вместе с нами. Скрипит каменный остов, хлопают ставни, но мы не слышим этого, потому что в рамках нашего сознания существует только один звук — музыка, в которой переплелись жизнь и смерть сотен людей. Кровь из моего уха закручивается в спираль над головой и устремляется в пучину неба. «Куда? — неустанно спрашиваю я. — Куда?»

Законы физики низлагаются прямо на моих глазах. Стёкла разбиваются по диагонали, обломки разбившихся самолётов вновь взлетают ввысь, а поезда проезжают сквозь друг друга, словно призраки. Я не понимаю, как такое может быть, да и мне это безразлично. Я смотрю на её разухабистую улыбку, питаюсь её теплом и танцую... танцую, потому что так хочет она. Мир приближается к точке своего бессмысленного завершения, а мы танцуем, ухватившись за наш счастливый билет — куда? — танцуем и танцуем, танцуем и танцуем, танцуем и танцуем, танцуем и танцуем, танцуем и танцуем, танцуем и танцуем, танцуем и танцуем, танцуем и танцуем, танцуем и танцуем, танцуем и танцуем...

...И танцуем и танцуем и танцуем и танцуем и танцуем и танцуем и танцуем и танцуем и танцуем...

...танцуем танцуем танцуем танцуем танцуем танцуем танцуем танцуем танцуем танцуем танцуем...

И снова, и снова, и снова, и опять, и опять, и опять, и вновь, и вновь, и вновь. Кажется, этому танцу нет конца. Танцпол висит на ниточке, но до того момента — мы танцуем. Она подплывает ко мне совсем не *чокнутой* (а даже наоборот — размеренной и плавной) походкой и кусает за нижнюю губу, а затем впивается в уста сочным алым поцелуем. Мой рот наполняется кровью, которая тотчас же улетает в космос вместе со слюной, но мне, вновь, плевать. Новой точкой пересечения наших полюсов становятся губы. Их жар не такой, как жар рук. Он не повелевает мной, а нежно шепчет, что всё происходящее — правильно. Я чувствую проникновения в мою внутреннюю реальность некоего божественного катарсиса. Все другие смыслы разлетаются по задворкам сознания. Во всех трёх измерениях несуществующей реальности за пределами временной плоскости мы с ней застываем в материальном воплощении самой абсурдной в мире абстракции.

И в этот самый момент танцпол под нами проваливается.

Космос завершает очередной свой цикл.

Звёзды заново собираются из молекулярного хаоса.

Самолёт падает вверх и одновременно вниз.

Осколки разбитого стекла бьются одно об другое, устремляясь во все направления сразу.

Поезда застревают друг в друге, как любовники, соединившие свою плоть в порыве экстаза.

И всё это так... правильно.

Мы падаем, не размыкая уст. Здание рушится вокруг нас, а мы всё падаем. Мы уже раз десять должны были размазаться по земле, но мы продолжаем падать. Мы падаем в небо. Голубизна сменяется ярким пурпуром, пурпур — чёрной, всеобъемлющей тьмой. Галактики с россыпями мерцающих глаз проносятся перед нами, падающими в вечность. Мы падаем из одного космоса-атома в другой, задевая своими спинами пляшущие молекулы. Они всё ещё танцуют, а наш танец уже умер — остался только поцелуй, это метафора в метафоре. Континуумы возникают и исчезают, оставляя в напоминание о себе лишь следы йети в каком-то из возможных миров. Пузыри реальности вырастают из нагромождений тёмной энергии, скрепляющей разрозненные космосы в одно единое сердце Универсума — и это сердце бьётся, бьётся голосом Элвиса Пресли, визгами гитары Сиды Вишеса, стонами барабана Джона Бонэма. Инверсия движет нас к бесконечности. Абсурд ведёт к истине. «Это наш с тобой счастливый билет», — вспоминаю я.

«Куда?»

ТЫ — ЭТО СОЛНЦЕ

*Ты нашёл след *сущности*, преследующей тебя через миры. Тёмного охотника, сгустка теней. Таинственной организации, стоящей за твоим падением. (Возможно, связанной с ужасной *экс*-кем-то-там.) Понятно, что определить её истинное лицо *невозможно*. Но ты можешь *вспомнить*, где впервые почувствовал душок предательства. Да! Используй фантик от жвачки Tutti Frutti — восстанови день, когда впервые вдохнул её вероломные атомы.*

Второе августа. Начинается позднее лето. Вы выходите из трамвая в районе Жардан, к востоку от реки. Её родители из среднего класса. Ты слышишь, как шелестит в темноте нейлон её куртки, словно осенние листья. Каблучки стучат по брусчатке. Вы подходите к воротам перед домом её родителей. Она вынимает жвачку, ты целуешь её, и словно электрический разряд проходит по телу. Ты вдруг понимаешь, что попал в какой-то другой, новый мир.

Disco Elysium — «Та, что пахнет абрикосовой жвачкой»

В моём распоряжении множество инструментов, которые могут вскрыть грудную клетку и вынуть оттуда всё содержимое. Нужное, ненужное — без разницы. У страха одна миссия: избавиться от колючего нечто, обвинившего своими извилистыми отростками мои внутренности. Я не вижу это нечто, но представляю его. Оно чёрное, склизкое и клокочет. Кло-ко-чет. Я произношу это слово вслух, чтобы убедиться, что понимаю его значение. Оказывается, не понимаю: лампочка в моём разуме остаётся потухшей, словно хозяева дома — под домом я имею в виду свою кукушку, конечно же! — забыли заплатить за электричество.

Но одно я знаю точно: оно бурлит, фонтанирует (фон-та-ни-рует) и перетекает из одного состояния в другое. Когда оно из газа превращается в твёрдое тело, то его края царапают мои внутренности — это и делает нечто колючим. Химики как всегда наврали: твёрдое тело не столько твёрдое, сколько острое. В жидком состоянии нечто даже можно назвать приятным, но это лишь временное ухищрение, дабы усыпить мою бдительность. Стоит вниманию дать слабину, как его концы вновь заостряются и чёрная кровь хлынет из незаживающих ран.

Ранами испещрены все мои внутренности. Сердце, печень, лёгкие, почки, даже аппендикс — нигде вы не найдёте живого места. Нечто хочет, чтобы я страдал. Я не уверен, что оно имеет осознанную волю, но раз оно меня пытается — значит, таково его предназначение. Терзать. Мучить. Испытывать на прочность. Чёрная, склизкая, клокочущая, фонтанирующая, обтекаемая и вместе с тем бесформенная Голгофа.

Я поднял со стола копьё Лонгина. Назвать перо и чернила копьём — очень мощная метафора. Небольшое уточнение: ни первого, ни второго, ни третьего у меня не было. Я — эстетический кастрат. У меня есть только ручка, которую я купил в канцелярском магазине за семь рублей пятьдесят копеек (7 р. 50 коп.). Я пользуюсь ей неслучайно: изящный паркер, при виде которого у офисного клерка потечёт слюна изо рта, — это, по своей сути, скрытый агент нечто. Он плоть от плоти той сущности из иного мира, которая заложила в мою душу колючую печаль. Её подарок не может стать копьём, освобождающим от мучений; напротив, он — соль, введённая в рану и многократно усиливающая страдания.

Помимо ручки за 7 р. 50 коп. у меня было ещё кое-что. Когда я смотрел на это «кое-что», оно превращалось в размытое серое пятно — будто кто-то намылил глаза. Но у кое-чего было свойство, которое обычно недоступно неодушевлённым предметам: оно умело говорить. Говорило кое-что мило и картаво, но не потому, что было милым и картавым — эти качества

достались ему от своего прародителя. Далёкое эхо, которое воплотилось в серое не-пойми-что у меня на столе. Кое-что говорило мне: «Я — твой билет домой».

Билет — это круто, но на чём поедет-то? На автобусе, на троллейбусе, на трамвае? А может — на поезде?

Кое-что внесло ясность: «Мы поедет на чём-то через куда-то, но приедем точно туда, куда надо».

Ну, теперь я был спокоен.

«Только не забывай держаться за поручень. И помни, что нечто и кое-что — это две совершенно разные вещи. Это две большие разницы. Это как слон и мамонт: бивни и хобот те же, но шкура... шкура другая».

А где поручень-то?

«Да вот же он, у тебя в руках. Твой нефритовый стержень. Эскалибур. Волшебная палочка Мерлина. Убийца драконов³. И шариковая ручка, купленная в ближайшем киоске за 7 р. 50 коп.».

Не в киоске — в канцелярском магазине.

Серое кое-что косо посмотрело на меня. Как ему это удалось — тайна за семью печатями (господь милосердный, у него ведь нет глаз!), но факт остаётся фактом: на моей спине даже встали дыбом волосы. Движимый антилогикой и самыми иррациональными в мире мотивами, я прильнул к пятну носом и вдохнул его в себя. Всё, без остатка. Я проверил: стол был гладким, как панцирь скорпиона. Говорящее безумие теперь жило у меня в мозгу.

Мой билет домой теперь во мне. Я не выроню его из кармана. Он не станет трофеем вокзального карманника. Он теперь навсегда внутри меня.

Наконец-то я мог приступить к фигуральной торакотомии. Я вскрою себе грудную клетку копьём Лонгина. Я нанесу *coup de grace*⁴ по склизкому нечто, мёртвой хваткой взявшемуся за мои внутренности. Но сперва маленькая молитва: пусть Лонгин будет милостив не ко мне, а к моему учителю. Аминь.

Ручка коснулась бумаги. Копьё коснулось груди. Чернила на бумаге, кровь на коже. Мне не было больно, но вот бумага визжала от боли. Она просила остановиться. Я послал её к черту. Я накричал на неё. «Ты — лишь инструмент для того, чтобы избавить меня от боли», — крикнул я. Да, прям так и крикнул. Возможно, с добавлением *щепоточки* обценной лексики.

Кровь стекала на гладкий стол, но не касалась бумаги. Она обтекала бумагу по краям, словно жидкая красная рамочка. Впрочем, если нечто умело менять состояние вещества, то почему бы и крови в один момент не стать твёрдой?

Я продолжал писать, не обращая внимания на кровотечение и стоны бумаги. Я писал литературный шедевр. Я писал картину, на которую у Дали и Магритта вместе взятых никогда не хватило бы фантазии. Я сочинял хокку. Я складывал оригами. Но нет, все эти метафоры — мусор. В эту минуту я был Гербертом Уэстом, Реаниматором! Или ещё чего похуже — Виктором Франкенштейном. С помощью пера и чернил я оживлял людей, которые никогда не умирали — просто стали серым пятном в своей же истории. А когда ты становишься серым пятном, в твоих внутренностях неизменно поселяется чёрное нечто.

Вот они, вырастают из бумаги, два незамысловатых сгустка. Чем они больше, тем сильнее кровит моя грудь и верещит бумага. Я чувствую, как в ней приоткрывается маленькое окошко. Тук-тук, кто-то стучится с другой стороны. На лицах бумажных людей уже можно разглядеть уникальные черты. Оба темноволосые и кареглазые, у обоих немаленькие носы. Смотрят друг на друга, но разными взглядами. У одного взгляд настороженно-недовольный, а у другого — уставший. А ещё один из них выглядит мило, а другой — не очень.

³ Меч Гатса в манге «Берсерк».

⁴ Удар милосердия – французск.

Я понял, в чём дело! Милое оригами — это тот самый непостижимый жень-чин, который играет особую роль в международном праве. Не удивлюсь, если жень-чин ещё и картавит.

Бумажный человек и не менее бумажный жень-чин смотрят друг на друга. Они больше не растут, как ни вдавливай копьё в бумагу. Окошко в моей груди так и осталось наполовину открытым. Бумага визжит на полтона ниже. Ей уже не больно: она орёт просто так, для виду. Вот она — *точка бифуркации*. Я знал, что всё придет к ней. Эту фразу мне подкинул какой-то умный лысый мужик. Всё, что мне о нём известно — это то, что он лысый и умный, но больше и не требуется. Точка бифуркации означает, что дальше дела могут развиваться *весьма неожиданным* образом.

(Я решил дальше не цитировать умного лысого дядю. *Неожиданные дела* звучит лучше, чем *фазовый переход*).

Если они развернутся и уйдут, то станут серыми навсегда, а чернота расползётся по каждому атому их тел. Нужно остановить бумажных людей любой ценой (особенно это касается жень-чиня, который уже сделал шаг в направлении бездны). Я ждал, что решение само собой проклюнется из кокона бифуркации, расправит крылья, словно бабочка, и вспорхнёт в пустом чертоге моего разума. Ни черта не произошло. Придётся импровизировать.

Я вскочил из-за стола и изо всех сил вонзил ручку-копье в бумагу. Одно я знал наверняка: когда страдания достигают пика, они превращаются в искусство. Бумага не может вечно кричать от боли. Настанет момент, когда вместо этого она начнёт... исполнять музыку. Исполнять самое расколбасное в мире диско.

О да.

Встречайте, на танцполе Герберт Уэст, Реаниматор, а вместе с ним — невеста Франкенштейна.

Под ногами бумажных людей расстелился танцпол. Диско-шар раскрасил его всей палитрой цветов — и даже больше. Цветом из иных миров⁵. После короткого щелчка бумага завопила музыкой. Кто-то заменил в бумажном магнитофоне кассету с названием «стенания и вопли грешников на 6 кругу ада» на «Cream, I feel free». Почему Cream — бог его знает. Но Cream исполняли диско, и диско это было чертовски расколбасным.

Бумажный человек разверз уста. Он сказал жень-чиню: «Танцпол подобен морю». И действительно: бумажные люди не танцевали, а плыли. Танцпол заставлял их волю сражаться за возможность существовать дальше в мире цветов, песен и любви. Он заставлял их *быть*, потому что сами они предпочитали небытие. Из серого сгустка в точке бифуркации они приходили к фазовому переходу в виде чёрного нечто.

Проделав пару неуклюжих па, бумага-парень вновь обратился к жень-чиню: «Потолок — это небо». И он в самом деле был небом. Словно следы от серебряных пуль, которыми стреляли в оборотня, потолок пронзали тысячи звёзд. Как бы особняком от всех созвездий и галактик свисала огромная звезда с округлыми краями — диско-шар. Танцоры пытались доплыть до него, но безуспешно: море каждый раз отбрасывало их назад. С их перспективы казалось, что море и небо едины — бесконечная тёмно-синяя полоса, становящаяся тем темнее, чем она ближе к космосу. А они застряли где-то посередине, двое сумасшедших, танцующих диско на растекшейся по пространству-времени луже молока.

Диско с каждой минутой становилось всё *расколбаснее*, а дыра в груди ширилась ударными темпами. Точка бифуркации пройдена, начинается тот самый фазовый переход. Я готов был отдать свою душу Чёрному Тескатлипоке, если прямо сейчас из моей груди не начнётся извержение чёрного нечто. Я чувствовал, как оно вонзается тысячью иголок в мои вены, стремясь наружу единым мощным потоком. Торакотомия удалась — фигуральная и буквальная.

⁵ Одноименный рассказ Говарда Лавкрафта

Чем сильнее диско наступало на водную гладь, тем грандиознее извергался спящий во мне вулкан; с той лишь разницей, что исторгал он из себя не лаву, а материализованную печаль. Пылающие ручьи боли растекались по полу моей комнаты. Густой султан тоски взвивался к потолку. Хлопья печали оседали у ног, расстилаясь тонким слоем агонии по ещё дымящемуся паркету. Жерло вулкана, которым была моя торакотомированная⁶ грудь, почернело и обуглилось: столько склизкого, клокочущего, фонтанирующего (клоко-фонта-ющего) нечто в один момент через него ещё не проходило.

Чёрный Тескатлипока не заберёт мою душу. Ему придётся удовольствоваться голозадыми аштеками.

Танец бумажных людей подходил к катарсису. Сейчас он тоже извергнется, но не болью и агонией, а чистейшим экстазом. Серое нечто обернётся самым упоительным во вселенной дурманом — любовью. Я смотрел на них, задержав дыхание. Меня даже не волновало, что моя грудь открыта, подобно форточке, и туда задувает.

Бумажный парень подплыл к жень-чину, ухватил его за талию, подтянул к себе и сказал:

«Ты — это солнце, и когда ты светишь на меня,

Я чувствую себя свободным...

Я чувствую себя свободным».

Мощная метафора. И я совсем не иронизирую.

Вся полоса мироздания, от глубин океана до необъятных чертогов космоса, взорвалась огнями. Танцпол сиял на всю галактику. За любовью двух бумажных людей наблюдали рептилоиды с соседней Альфа-Центавры и серо-буро-малиновые человечки из неизвестных созвездий в Андромеде. Миллиарды глаз (у некоторых гуманоидов их было больше двух) из миллионов миров вперились в одну точку — в точку соединения человеческих сердец и диско-музыки.

Несчётным количеством голосов на бесконечном числе языков они повторяли:

«Ты — это солнце, и когда ты светишь на меня,

Я чувствую себя свободным...

Я чувствую себя свободным».

⁶ Торакотомия (от др.-греч. θώραξ — грудь и τομή — разрез, рассечение) — хирургическая операция, заключающаяся во вскрытии грудной полости через грудную стенку для обследования содержимого грудной полости или выполнения хирургических вмешательств на легких, сердце или других органах, расположенных в грудном пространстве.

ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ, ГДЕ ЗДЕСЬ МОЖНО НАЙТИ КИТОВ?

В ожидании солнца.
Джимм Моррисон

Что-то изменилось в тот момент, когда я её увидел. Словно в тёмной комнате зажёлся свет, или луна вышла из-за туч, или первые цветы высунули голову из-под снега. Её появление ознаменовало новую веху в истории человечества — истинный Ренессанс, пришедший на смену тому, что я про себя называю не тёмными, но *тицедуиными* веками.

Нарождающееся утро, ещё хрупкое, но уже стойкое в своём стремлении придать жизни полноту, играло на её ладони лучами солнца. По одному лучику на каждый просвет между пальцами — раз, два, три, четыре, пять. Она и сама была одета в солнце. Оно сидело на ней, как влитое: саван, пошитый точно по фигуре. Весна следовала за ней по пятам, оживляя застывший в кривой позе мир. По её воле и желанию поезда вновь тронулись со станции «*Невозвратная*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.